

DOI 10.15826/izv1.2020.26.4.065
УДК 821.161.1-7 + 050.1(09) + 070.4(09)

Л. А. Трахтенберг

ТИПОЛОГИЯ МАЛЫХ ФОРМ В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII в.

Сатирические журналы XVIII в. отличаются разнообразием малых литературных форм. В статье предлагается трехмерная схема их типологии. Одно измерение представляет «внутреннюю» форму текста: различаются два основных типа статей — моралистическое рассуждение и сатирическая характеристика. Два других измерения — субъектное и композиционное — определяют форму «внешнюю». Базовые структурные типы могут разрабатываться в виде эссе от лица издателя или читательского письма, реализовывать различные композиционные модели, в том числе пародийные. Все это позволяет разнообразить впечатления аудитории, усиливая дидактическое воздействие текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература XVIII в.; сатирические журналы; жанры; малые формы; типология; дидактизм

Сатирический журнал — тип периодического издания, характерный для эпохи Просвещения. Большинство сатирических журналов — еженедельные; по объему они напоминают газеты (с которыми соперничают за внимание читателей), но по содержанию на газеты непохожи: их цель — не информационная, а дидактическая. Сатирический журнал воспитывает читателя, учит его нравственности и правилам хорошего тона.

Издания такого типа появляются в Англии на рубеже 1700–1710-х гг. Их первые, ставшие классическими образцы — «Болтун», «Зритель» и «Опекун» Дж. Аддисона и Р. Стиля. Эта форма получает распространение в Великобритании, а вскоре — и на континенте, особенно в Германии (см., например: [22, 23]). На Западе подобные издания обычно называют иначе: по-английски — *periodical*

ТРАХТЕНБЕРГ Лев Аркадьевич — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (e-mail: Lev_A_T@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-4345-0955.

© Трахтенберг Л. А., 2020

essays (периодические эссе), по-немецки — *moralische Wochenschriften (моралистические еженедельники)*.

До России мода на эти журналы доходит поздно: издания такого типа появляются лишь в 1769 г. Первым из них становится «Всякая всячина» — журнал, который издает императрица Екатерина II (впрочем, ее участие не носит официального характера, этот журнал, как и другие, выходит анонимно). За «Всякой всячиной» следуют другие издания, среди которых, например, «И то и се» М. Д. Чулкова и «Трутень» Н. И. Новикова; всего в 1769 г. выходят 8 сатирических журналов. Такого разнообразия одновременно выходящих изданий этого типа русская литература в дальнейшем не знает, но сатирические журналы продолжают появляться; самым популярным из всех становится «Живописец» Н. И. Новикова (1772—1773), который выдерживает несколько переизданий¹.

Малый объем — принципиально важная черта сатирического журнала. Объем ограничен размерами номера, в котором, если издание еженедельное, бывает обычно 8 или 16 страниц небольшого формата. Однако это ограничение — не только внешнее, но и внутреннее: оно носит принципиальный характер. Авторы считают (во «Всякой всячине» об этом говорится прямо [5, № 18, 136]²), что статья малого объема легче для восприятия, чем пространное произведение. А это значит, что такие статьи наилучшим образом соответствуют дидактическим целям изданий — исправлению нравов. Основная установка сатирических журналов — облечь серьезные, нравоучительные темы в легкую форму, тем самым апеллируя не только к ценителям литературы, но к предельно широкой аудитории.

Малые формы в сатирических журналах отличаются исключительным разнообразием. Представить их типологию, определив принципы их образования, — задача работы.

Центр жанровой системы сатирических журналов — характер. Журналы реализуют классицистическую модель личности, рационалистическую в своей основе. Характер в этой модели складывается из общих черт, отвлеченных от всего частного. Он мыслится как статичный, раз навсегда данный, устойчивый набор качеств, которые предсказуемо реализуются в разнообразных, также, в сущности, стандартных ситуациях. Эстетическое постижение человека, представление характера как реальной личности в форме характера как художественного образа в этой литературной системе означает классификацию — отнесение к одной из заданных психологических категорий.

Литературный образ здесь — не тип, как в позднейшей реалистической словесности, а типаж. В отличие от типа, ради правдоподобия интегрирующего общие черты с индивидуальными, типаж ограничивается общим, устраняя частное. Вот некоторые типажи: щеголь, кокетка, скупец, взяточник, сплетник и т. д. Набор типажей определяет художественную оптику: сквозь их призму писатель видит общество, выделяя в нем те модели поведения, которые соответствуют образцам

¹ О русских сатирических журналах см., например: [1, 2, 9, 16, 19].

² Во «Всякой всячине» выпуски обозначаются буквами в сигнатуре — внизу страницы. Нумерация начинается со второго выпуска: А — № 2, Б — № 3 и т. п.; А а — № 35... Далее при ссылках на этот журнал вместо буквенной нумерации используется цифровая.

литературной характерологии. Устойчивый ряд типажей — это одновременно и круг постоянных сатирических тем.

В сатирической журналистике основной формой реализации характера как образа является характер как жанр. Этот жанр ориентирован на классические образцы — прежде всего «Характеры» Феофраста, в качестве продолжения которых Ж. де Лабрюйер создает «Характеры, или Нравы нынешнего века», в свою очередь выступающие как эталон для последующих авторов (см.: [21, 24]). Жанр характера формируется до возникновения сатирических журналов, но способствует их появлению и находит в них развитие. Композиционная реализация этого жанра варьируется между двумя полюсами — статическим и динамическим.

Статическая форма — это в простейшем случае перечисление черт характера. Вот, например, характеристика щеголя с говорящим именем *Наркис* из журнала «Живописец»:

...достоинства его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет как ангел <...> К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно, а притом разумеет по-французски [7, ч. 1, № 3, 21].

Нередко перечисляются не черты характера персонажа, а его суждения, из которых читатель может сделать вывод о том, кто он такой, как в следующем примере из журнала «Смесь»:

Пышен в своей любви следует отменному ото всех дурачеству. Он ни во что вменяет все душевные и телесные дарования, но все свои достоинства полагает в богатом кафтане, в дорогой карете и хороших лошадях. *Пышен* думает, что, везомый шестью лошадьми и имеющий за собою лакеев в ливрее с серебром, не найдет вовек жестокосердой любовницы, всякая смягчится и сделает его совершенно счастливым [17, № 33, 260].

Суждения персонажа могут принимать и форму прямой речи, иногда маркированной стилизованными особенностями, делающими типаж узнаваемым. Вот монолог из журнала «Живописец», где заметны элементы щегольского жаргона — *ужесть* как в функции интенсификатора, *беспримерно* в значении 'удивительно' (см.: [3, 4]):

Щеголиха говорит: «Как глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют. *Ужесть* как смешны ученые мужчины; а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры. *Беспримерно*, как они смешны!» [7, ч. 1, № 4, 24].

Динамическая форма означает, что персонаж проявляет себя в действии. Это, прежде всего, сценка — небольшой рассказ.

Иногда это сюжет с несколькими поворотами. Например, в журнале «Труть» рассказывается о судье, у которого украли часы; он подозревает в этом крестьянина-подрядчика, которого арестовывает и пытается, добываясь признания и вымогая деньги. В действительности же виноват племянник судьи, который, украв часы, проигрывает их в карты; пройдя через несколько рук, они оказываются у прокурора, у которого судья их и обнаруживает [20, № 13, 97–104].

В журнале А. О. Аблесимова «Рассказчик забавных басен» помещен рассказ «Мужик, ищущий чести» [14, № 1, 11–16] о добродетельном работнике, который, когда ему говорят: «Спасибо! Ты знаешь честь» [Там же, 12] — не понимает этого слова (ему знакомо лишь слово *совесть*). Решив, что *честь* — это имя какой-то госпожи, он отправляется в город на ее поиски; следуют несколько эпизодов, и, наконец, работник приходит к достойному судье, который разрешает его сомнения.

Иногда же основу сценки составляет описание, мотивированное сюжетом. Таков, например, во «Всякой всячине» рассказ о визите издателя к тетке, с помощью которого вводится сатирическая картина ее быта [5, № 10, 69–72].

Между статической и динамической формой есть промежуточные случаи. Это, например, перечисление поступков, которые персонаж совершает постоянно, из раза в раз:

Стозмей, житель нашей улицы, ежедневно упражняется во следующем: в 12 часу пополуночи просыпается и, вставши с постели, чешет голову, отказывает своим заимодавцам, занимает вновь и между тем допускает к себе искателей его милости, которая всегда состоит во обещаниях; расспрашивает у них, что в прошедший день в городе нового случилось, а им рассказывает, что там-то он того-то подсмеял, в другом месте острое сказал слово <...> После сего читает местами русских авторов, прославившихся своими сочинениями, и чтобы и тут показать остроу своего разума, ради того он их критикует <...> Одевшись, ездит к *Перекрысе*, своей любовнице, и ей то же рассказывает... [20, № 16, 121–122].

Характер в различных реализациях, конечно, не исчерпывает формального разнообразия сатирического журнала. Важнейший жанр сатирической журналистики — эссе: жанр аморфный, допускающий и повествование, и описание, и рассуждение.

Содержание эссе не всегда сатирическое. Журналы такого типа соединяют сатирическую форму дидактики, т. е. обличение пороков, с моралистической, т. е. проповедью добродетели. Эту двойственность отражает и разнообразие модификаций эссе. Если эссе сатирического содержания обычно заключает в себе сатирическую характеристику в статической или динамической реализации, то эссе нравоучительное тяготеет к форме рассуждения. Таковы, например, статьи «Всякой всячины» о том, как должны поступать юноши, чтобы принести пользу обществу [5, № 20, 147–150], о вреде злословия [Там же, № 26, 195–197], о том, как чиновник может принести пользу людям и каких недостатков он должен избегать [Там же, 197–200], о семейной жизни [Там же, № 32, 246–247] (три последних — переводы из «Зрителя» Аддисона и Стиля [18, 137–138]).

Эссе может включать в свой состав элементы других жанровых традиций. Например, во «Всякой всячине» в форме аллегорической сказки иносказательно изображается деятельность учрежденной Екатериной II Уложенной комиссии [5, № 22, 164–168]. В состав эссе «Смеси», посвященного тщеславию, входит аллегорический сон [17, № 8, 57–64]. Эссе-рассуждение о вреде лжи, помещенное во «Всякой всячине», завершает притча [5, № 24, 180–184]. В состав эссе в журнале «И то и се» входит анекдотический сюжет [8, № 5, 1–5].

Для эссеистики обычно господство субъективного элемента. В сатирических журналах оно выражается в создании образов издателя и читателей.

Реальный автор журнала на его страницах выступает под маской. Образ издателя замещает реального автора в литературном пространстве журнала. У этого фиктивного издателя может быть биография, не имеющая ничего общего с действительной жизнью автора. Например, журнал «Поденщина» построен как дневник маляра (в XVIII в. это слово означает художника), который приезжает из Алатора в Петербург на заработки [12, 6–7]. Настоящий же автор журнала, В. В. Тузов, — не художник, а офицер [16, 70–72].

Позиция издателя нередко окрашена иронией, объектом которой может стать он сам. Например, название журнала «Трутень» выступает как автохарактеристика издателя; в предисловии он говорит о своей лени, которая якобы и побуждает его издавать журнал: печатать чужие сочинения легче, чем писать собственные [20, № 1, 3–8]. Это притворное самоуничижение — конечно, литературная игра, главная цель которой — снижая пафос нравоучения, приблизить издателя к аудитории и тем самым установить с нею контакт, что поможет достичь дидактической цели.

Рядом с образом издателя в журнале выступает и образ читателя. В сатирических журналах печатаются читательские письма. Корреспонденты просят у издателя совета или сообщают ему ценные, по их мнению, сведения. Эти два типа статей можно условно обозначить как «письма-вопросы» и «письма-сообщения».

Примером первого типа — письма-вопроса — может служить помещенное во «Всякой всячине» письмо за подписью *несчастный любовник*. Читатель рассказывает о том, что уже давно влюблен, не может забыть возлюбленную, однако обстоятельства препятствуют его счастью, и поэтому он не решается открыть свои чувства [5, № 47, 361–364]. Почти решившись признаться в любви, он просит совета, как преодолеть чувство, которое грозит ему бедой. Издатель же советует ему воздержаться от признания и проявить терпение, чтобы «испытать добросердечие и здоровое рассуждение» возлюбленной [Там же, 364].

В журнале В. Г. Рубана «Ни то ни се» помещено письмо за подписью *Бедняшкиной*, где она жалуется на вспыльчивого мужа, который ссорится с ней по ничтожным поводам [10, № 11, 85–88]. Издатель отвечает, что муж неправ, но едва ли исправится, поэтому ей поможет лишь терпение [Там же, № 12, 89–95] (и письмо, и ответ, как указано в журнале, переведены с немецкого языка Я. Хорошкевичем).

Пример второго типа — письма-сообщения — представляет статья из журнала «И то и се» за подписью *Афанасия Фирюлина*. Корреспондент пересказывает услышанную им беседу дам о нарядах [8, № 13, 1–3]. Дамы презирают все русское и восхищаются всем французским. Письмо направлено против галломании.

Еще один пример — статья из «Трутня», где читатель рассказывает о якобы «новом способе брать взятки». Способ таков: тот, кто дает взятку, бьется с судьей об заклад, что его дело не будет решено в условленный срок, и, конечно, проигрывает [20, № 21, 168].

Как и образ издателя, образы читателей, скорее всего, представляют пример литературной игры. Установить подлинных авторов читательских писем

в большинстве случаев едва ли возможно. Часто статьи такого типа подписаны комическими фамилиями-псевдонимами или не подписаны вовсе. Во многих случаях читатель в таком письме, как будто сам не осознавая того, представляет себя в смешном виде. Например, во «Всеякой всячине» есть письмо за подписью *Акилины Трещоткиной*, содержание которого составляет автохарактеристика. Читательница рассказывает о своей манере одеваться и вести себя, демонстрируя собственную ограниченность, недостаток такта и хорошего вкуса [5, № 40, 311–312]. В подобных случаях очевидно, что образ читателя представляет собой литературную условность.

Эссе от лица издателя и письмо от лица читателя — формы с субъектной конструктивной доминантой, т. е. их специфику определяет фиктивный субъект высказывания. Рядом с ними в журнале есть и формы с композиционной доминантой, т. е. такие, своеобразие которых определяет тот или иной композиционный прием.

Многие из этих форм пародийны. Так, в «Трутне» есть пародийные «Ведомости» — газетные статьи и рекламные объявления [20, № 4, 28–32; № 6, 41–48; № 9, 65–72; № 16, 121–128; № 18, 137–144], пародийные «Рецепты» [20, № 23, 177–184; № 24, 185–192; № 26, 201–202; № 27, 209–216; № 31, 241–243], пародийный словарь [20, № 5, 36–40]. Форма ведомостей использована и в других журналах Новикова — «Пустомеле» [13, 48–57, 105–110] и «Живописце» [7, ч. 1, № 6, 41–48; № 20, 153–160; ч. 2, № 12, 297–304]. В «Живописце» также помещен пародийный словарь [Там же, № 10, 73–80]; представлена эта форма и в журнале Н. П. Осипова «Что-нибудь от безделья на досуге» [11, № 3, 33–44; № 26, 401–414]. Н. И. Страхов придает всему журналу «Сатирический вестник» [15] форму пародийных ведомостей. Первую часть каждого из девяти выпусков журнала составляют пародийные известия, вторую — разного рода объявления, также пародийные.

Есть и непародийные формы, которые отличаются своеобразной композицией. Например, в «Трутне» помещены статьи под названием «Смеющийся Демокрит». Это цикл сатирических характеристик, объединенных композиционной рамкой: Демокрит идет по городу, встречает людей, достойных презрения, и смеется над ними. Каждая из таких зарисовок начинается сценой встречи Демокрита с новым действующим лицом, а заканчивается смехом:

Это кто так прытко скачет? ба! *Плох*. Он спешит показать свою глупость в каком ни на есть знатном доме. Плох тщеславится тем, что имеет вход к знатым господам, таскается к ним сколько возможно чаще и делает в угодность их разные дурачества, думая оказать другим свое у них могущество. <...> *Плох* старается себя уверить, что поступки его разумны, однако ж все думают, что они глупы. Ха! ха! ха! [20, № 28, 221–222].

Формы с субъектной и композиционной доминантой не противостоят друг другу, а взаимодействуют. Например, сатирические ведомости и рецепты в «Трутне» помещены в рамку читательского письма. А в состав одного из эссе «Живописца» входит ряд сатирических характеристик, облеченных в форму

прямой речи и построенных по одной и той же модели: каждый из персонажей объясняет, почему он отвергает просвещение, и тем самым, конечно, разоблачает свое невежество [7, ч. 1, № 3–4, 17–32].

Таким образом, парадигму малых форм в сатирических журналах можно представить в образе трехмерного пространства, где одно из измерений представляет, условно говоря, «внутреннюю форму» жанра, а два других — форму «внешнюю».

Внутренняя форма — это, с одной стороны, морализирующее эссе-рассуждение, с другой — сатирическая характеристика, которая может тяготеть к описанию или повествованию, а может соединять то и другое.

Внешнюю форму определяют субъектная или композиционная доминанта, иногда обе. По признаку субъекта речи (понятого как условный образ) можно выделить статьи от лица издателя и письма от лица читателя. По признаку композиционного своеобразия выделяются разного рода пародийные и непародийные формы.

Соединение характеристик во всех этих аспектах дает сложную, многовариантную систему, где базовые структуры сатирического характера и моралистического рассуждения предстают в облике эссе от лица издателя, писем, пародий и т. д.

Многообразие типов малых форм придает сатирическим журналам исключительную структурную сложность. Каков художественный смысл такой структуры? Ответ на этот вопрос обусловлен основной целью сатирических журналов — нравованием. Эта цель определяет однообразие их содержания, заданное устойчивым набором дидактических тем и сатирических типажей. Стремясь воспитать читателя, автор рискует наскучить ему многократным повторением одних и тех же идей. Чтобы снять эффект монотонности, однообразию дидактического содержания авторы журналов противопоставляют разнообразие форм. Структурное варьирование позволяет преодолеть впечатление рутины, предложить аудитории известное как неизвестное, старое как новое, облечь знакомый смысл в нетривиальную форму, тем самым следуя классическому горацянскому принципу: «Всех соберет голоса, кто смешает приятное с пользой» [6, 392].

1. Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 годов: эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859. 282 с.

2. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. 572 с.

3. Берков П. Н. О языке русской комедии XVIII века // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1949. Т. 8, вып. 1. С. 34–49.

4. Биржакова Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1981. С. 96–129.

5. Всякая всячина. [СПб., 1769]. № 1–52. 408 с.

6. Гораций. Наука поэзии / пер. М. Л. Гаспарова // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания: пер. с лат. [М., 1970]. 479 с. (Б-ка античной литературы. Рим).

7. Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение: [в 2 ч.] СПб., [1772–1773]. № 1–26. 207 с. (ч. 1) + № 1–25/26. 207 с. (ч. 2).

8. И то и се. [СПб., 1769]. № 1–51/52. 448 с.

9. Клейн Й. «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 153–165.

10. Ни то ни се в прозе и стихах, ежесубботное издание 1769 года. № 1–20. [СПб., 1769]. 160 с.
11. *Осипов Н. П.* Что-нибудь от безделья на досуге. Еженедельное издание. СПб., 1800. № 1–26. 416 с.
12. Поденьшина, сатирический журнал В. Тузова. 1769 / изд. А. Афанасьева. М., 1858. 136 с.
13. Пустомеля : сатирический журнал. 1770 / изд. А. Афанасьева. М., 1858. 112 с.
14. Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время или когда кому делать нечего: стихами и прозою. М., 1781. [Полугодие 1-е]. № 1–26. 208 с.
15. Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, неизвестным сочинителем : [в 9 ч.]. М., 1790–1792. 131 (ч. 1) + 142 (ч. 2) + 123 (ч. 3) + 115 (ч. 4) + 103 (ч. 5) + 100 (ч. 6) + 96 (ч. 7) + 92 (ч. 8) + 104 (ч. 9) с.
16. *Семенников В. П.* Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914. 90 с.
17. Смесь : новое еженедельное издание. Началось 1769 года, апреля 1 дня. [СПб., 1769]. № 1–40. 320 с.
18. *Солнцев В. Ф.* «Всякая всячина» и «Спектатор» (к истории русской сатирической журналистики XVIII века) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ч. 279, № 1. С. 125–156.
19. *Стенник Ю. В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985. 360 с.
20. Трутень : еженедельное издание, на 1769 год. СПб., [1769]. № 1–36. 284 с.
21. *Brownley M. W.* Character Sketch // Encyclopedia of the Essay / Ed. by T. Chevalier. L., 1997. P. 353–356. DOI: 10.4324/9780203303689.
22. *De Maria R., Jr.* The Eighteenth-Century Periodical Essay // The Cambridge History of English Literature, 1660–1780 / Ed. by J. Richetti. Cambridge, 2005. P. 527–548. DOI: 10.1017/CHOL9780521781442.022.
23. *Ertler K.-D.* Moralische Wochenschriften // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte. Mainz, 2012. URL: <http://www.ieg-ego.eu/ertlerk-2012-de> (accessed: 23.06.2020).
24. *Jensen K.* Reforming Character: William Law and the English Theophrastan Tradition // Eighteenth Century Fiction. 2010. Vol. 22, № 3. P. 443–476. DOI: 10.3138/ecf.22.3.443.

Статья поступила в редакцию 23.06.2020 г.